

УДК 343.341.1

КРИМИНАЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

CRIMINAL RELIGIOUS EXTREMISM: ANALYSIS PROBLEMS OF THE CRIMES COMPOSITION

©Бидова Б. Б.,

канд. юрид. наук,

Чеченский государственный университет,

г. Грозный, Россия, bel_a_007@bk.ru

©Bidova B.,

J.D., The Chechen State University,

Grozny, Russia, bel_a_007@bk.ru

Аннотация. В статье представлены субъективные и объективные качественные характеристики криминального религиозного экстремизма; проанализированы проблемы трактовки бланкетных норм, касающихся уголовной ответственности за преступные деяния экстремистского религиозного характера. Отображены отличительные черты системы взглядов и идей, отражающих социальное бытие, существенно влияющие на распространение идеологии экстремизма среди населения, а также на правоприменительную деятельность. Подмечена большая социальная уязвимость молодых людей, вследствие их возрастных психологических свойств, представляющая благоприятные условия для возвращения приверженности к крайним взглядам и возникновения экстремистских проявлений. Разработаны ключевые тенденции предотвращения криминального религиозного экстремизма.

Abstract. The subjective and objective qualitative characteristics of criminal religious extremism are presented; problems of the interpretation of blanket norms concerning criminal responsibility for criminal acts of an extremist religious nature are analyzed. The distinctive features of the system of views and ideas reflecting social being are shown, which significantly influence the propagation of the ideology of extremism among the population, as well as on law enforcement activities. A great social vulnerability of young people, due to their age-related psychological characteristics, is seen as a favourable condition for fostering adherence to extreme views and the emergence of extremist manifestations. The key trends in the prevention of criminal religious extremism have been developed.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, экстремистская идеология, состав преступления, квалификация.

Keywords: extremism, religious extremism, extremist ideology, the offense qualification.

При написании статьи автор придерживался доктрины двумерного и пятиступенчатого группирования объектов. Вертикальное деление преступных деяний предусматривает следующие объекты преступлений: общий; типовой (необходимый для официального разграничения разделов УК РФ); родовой (требуемый для выделения глав УК); видовой (служащий для обособления групп статей УК, определяющих ответственность за однотипные преступные деяния в пределах главы); непосредственный (предназначенный для определения обособленной ответственности за опасное для общества деяние внутри всей или части статьи УК РФ).

Горизонтальное деление преступных деяний на составные объекты, имеющие многоэлементную структуру: общий, типовой, родовой, видовой и непосредственный объекты. В пределах этой классификации возможны различные комбинации объектов, определение и отображение которых является сложной и большой научной проблемой и требует специального инициативного углубленного изучения. Среди таких комбинаций можно отметить двувидный, обще–родовой, родо–типовой объект и пр. При этом составные (сложные) черты объекта преступных деяний являются его естественным (сутью), что признано всеми исследователями, научные труды которых были нами изучены.

По нашему мнению, государственная безопасность должна значиться составляющей безопасности общества. Исходя из этого главу 29 «Преступные деяния против основ конституционного строя и безопасности государства» предпочтительно разместить в разделе IX «Преступные деяния против общественной безопасности и общественного порядка», к примеру, после главы 24 «Преступления против общественной безопасности», а не в разделе X. Тогда она будет в большей мере соответствовать потребностям правоприменительных процессов. Также следует исправить, собственно, наименование раздела. Возможен следующий вариант: «Преступные деяния против безопасности общества и государства». Также, желательно перенести в главу 32 «Преступные деяния против порядка управления» статьи об ответственности за преступные деяния, угрожающие общественному порядку, трактующиеся в узком контексте (ст. 213 «Хулиганство», ст. 214 «Вандализм»), по примеру УК РСФСР 1926 г. (ст.74).

Указанные выше корректировки могли бы снизить степень непоследовательности и нелогичности уголовного законодательства и намного точнее отразить в нем уровень общественной опасности таких преступных деяний. Помимо этого, они смогли бы поспособствовать росту результативности правоприменительных процессов.

Также не удавшимся можно считать размещение ст. 239 УК РФ в главе 25 «Преступные деяния против здоровья населения и общественной нравственности» раздела IX «Преступные деяния против общественной безопасности и общественного порядка». В сущности, здесь определена ответственность за одно из выражений экстремизма, среди прочего религиозного экстремизма наподобие образования сообщества, пытающегося причинить ущерб личности и правам людей. Поэтому статью 239 УК РФ целесообразней переместить в главу 29 прямо перед ст. 282.1 УК РФ.

С учетом рекомендованных нами корректировок в уголовном законодательстве и соответствия терминов «государственная безопасность» и «общественная безопасность» [1, с. 196], как раз безопасность общества нужно считать типовым объектом данной категории преступных деяний (ст. 239, 280, 282, 282.1, 282.2) УК РФ. А родовой объект — это общественные отношения, служащие гарантией сохранности конституционности и государственности.

Исходя из своего состава, видовой объект подразделяется на три группы преступных деяний. Первая группа — это действия, покушающиеся на общественные отношения, гарантирующие сохранность конституционности. Они обозначены в основном законе государства (ч. 5 ст.13, ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 30) и в прочих законодательных актах: в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», ФЗ «Об общественных объединениях», ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ФЗ «О борьбе с терроризмом» и пр. Вторая группа — это действия, покушающиеся на общественные отношения, предоставляющие идеологическое разнообразие (ст. 13 Конституции РФ), свободу слова и СМИ (ст. 29 Конституции РФ) являющимися элементом основ конституционности и сохранности общественного порядка: ст. 280 УК РФ. Третья группа — это действия, угрожающие общественным отношениям, сохраняющим законное воспрещение разжигания вражды на почве нетерпимости к людям некоей национальности, расы, вероисповедания или социальной группы (ст. 282 УК РФ) [2, с. 81].

Структура основного непосредственного объекта деяния интересующей нас категории, определенного ст. 239 УК РФ, представляется сложной (альтернативной или составной) двухэлементной: 1) общественное отношение, служащее порукой общественной защищенности, что до осуществления запрета на генерацию, управление и активность религиозных и общественных сообществ, координированных с применением силы по отношению к гражданам или нанесением ущерба здоровью, или с подстреканием граждан на противоправные действия, или осуществления других правонарушений; 2) общественное отношение, служащее порукой сохранности нравственности и духовности населения.

В сфере иных типовых и родовых объектов преступных посяганий находятся дополнительные непосредственные объекты преступных деяний. Состояние здоровья гражданина, его права на неприкосновенность его тела и свободное передвижение (ущерб, наносимый которым, входит в структуру понятия насилие) и его права, являясь социальными ценностями, не являются составляющими обсуждаемых типовых и родовых объектов и лежат в основе других социальных ценностей, а именно: «личность» (раздел VII УК РФ), «здоровье» (глава 16 УК РФ), «свобода» (глава 17 УК РФ). Вследствие этого для преступных деяний, отображенных в ст. 239 УК РФ, непременно дополнительными непосредственными объектами противоположно или синхронно есть здоровье человека, а также его права и обязанности (любые их комбинации), установленные Конституцией РФ.

Необязательные (основываясь на букве Уголовного кодекса) или иначе факультативные непосредственные объекты обсуждаемого преступного деяния — разнообразные социальные идеалы, которым неоднократно или изредка наносится ущерб в процессе выполнения этого преступного деяния. В их число входят разнообразные общественные отношения, гарантирующие, к примеру, выполнение обязанностей по должному воспитанию и содержанию подрастающего поколения, содержанию пожилых родителей и пр.

Одной из составляющих основных непосредственных объектов преступных деяний, отображенных в ст. 282.1, ст. 282.2 УК РФ, представляется общественное отношение, гарантирующее общественную защищенность, среди прочего государственную, в контексте осуществления запрета на формирование, управление и принятие участия в деятельности разного рода организаций.

Другой составляющей основных непосредственных объектов преступных деяний, отображенных в ст. 282.1, ст. 282.2 УК РФ, представляется общественное отношение, гарантирующее сохранность нравственности и (или) духовности населения.

Нельзя забывать, что как таковое учреждение экстремистского сообщества (ст. 282 УК РФ), осуществляемое с нарушением текущих норм учреждения разного рода организаций, представляет собой опасность для еще большего спектра общественных отношений. Поэтому, видимо, обязательным альтернативным дополнительным непосредственным объектом нужно признать также общественные отношения, служившие порукой прав и свобод граждан, порядка в обществе, нравственного здоровья общества, идеологического разнообразия, свободы слова и СМИ, конституционального запрета на разжигание вражды между представителями разных конфессий, рас, национальностей, являющегося одним из элементов основ конституционности [3, с. 54].

Согласно ст. 282.2 УК РФ обязательный дополнительный непосредственный объект преступного деяния — общественные отношения, служившие интересам деятельности правовых, судебных органов.

Непосредственный объект преступного деяния, предусмотренного ст. 280 УК РФ, в обеих частях (основной и дополнительной) по большей части совмещается с подобными составляющими непосредственных объектов преступных деяний, разработанных в ст. 282.1 и ст. 282.1 УК РФ.

Составы преступных деяний, указанные в ст. 239, 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, — это беспредметные составы преступлений.

Установление таких объективных критериев состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, как насилие и нанесение ущерба здоровью является весьма сложным процессом в правоприменительной деятельности.

По результатам исследований подходов к установлению понятия «насилие», отраженных в российской уголовно–правовой науке, можно сделать вывод, что в рамках ст. 239 УК РФ психическое насилие трактуется как «намеренное и опасное для общества влияние на психику гражданина, совершаемое вопреки его воли, посредством уведомления и оказывающее подавляющее действие на зону свободы волеизъявления» или наносящее вред душевному (ментальному) здоровью. Следует обратить внимание на то, что психическое насилие обладает свойством (продуктивно используемым на практике тоталитарными сектами) совершаться вопреки сознанию и воле объекта психологического воздействия (насилуемого), то есть объективно, и человек, действительно подвергшийся насилию, не осознает себя потерпевшим. Данный факт нужно брать во внимание при уголовно–правовой оценке деяний, изложенных в ст. 239 УК РФ.

В ст. 239 УК РФ нет точного определения понятию «здоровье». Поэтому, по нашему мнению, следует понимать нанесение ущерба и душевному (ментальному), и физическому здоровью. Исходя из норм Устава Всемирной Организации Здравоохранения и теоретических норм, аккумулированных наукой о психических заболеваниях и их лечении, будет справедливо расценивать психическое здоровье в качестве конструкции с несколькими уровнями, а именно:

- 1) уровня здоровья, определяющего свойства личности, устанавливаемого качеством содержания ценностных ориентаций индивидуальности;
- 2) уровня индивидуально–психологического здоровья, определяемого умением индивидуума формировать сообразные методы осуществления помыслов;
- 3) уровня психофизиологического здоровья, определяемого спецификой внутреннего, мозгового, нейрофизиологического построения процесса психической деятельности [4, с. 790].

Конечно, такая трактовка существенно увеличивает содержательную базу понятия «психическое здоровье». Одновременно с этим, стоит предположить причинение вреда психическому здоровью, если по причине участия гражданина в деятельности религиозной организации он находится в состоянии стойкой бессонницы, безразличного и апатичного отношения к жизни, невозможности вести себя соответственно ситуации, нехарактерного для себя ранее нежелания дальше учиться или трудиться, близкого к преднамеренному прерывания социальных связей или родственных отношений, невозможности критического восприятия действительности, демонстрирующем намечающиеся склонности к самоубийству.

Аргументируя нижеизложенные рекомендации об устранении ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ, допустимо подчеркнуть, что в процессе разработки соответствующих составов преступных деяний не соблюдались уголовно–правовые основы криминализации социально–опасных действий.

В нормах права, установленных ст. 282.1 УК, был введен термин «экстремистское сообщество», имеющий отличия от общего понятия преступного сообщества, выраженного в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Этим несоответствием был нарушен принцип однозначности и идентичности терминологии.

Также не было соблюдено такое условие результативной криминализации преступлений, как соразмерность наказания. Самый строгий вид наказания за преступное деяние, заключающееся в организации функциональных возможностей сообщества экстремистской направленности (ч. 1 ст. 282.2 УК), — 3 (три) года лишения свободы. При этом подталкивание человека к участию в деятельности террористического сообщества (ч. 1 ст. 205 УК), являющегося одним из вариантов экстремистской организации,

санкционируется лишением свободы сроком в 4–8 лет. Более того, аналогичное преступление, осуществленное человеком с использованием служебного положения, считается особо тяжким.

Также не был выдержан принцип логической законченности права и разумной достаточности запрета. Посредством статьи 239 «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан» УК РФ можно привлечь к ответственности за реализацию преступлений, уже криминализованных в ст. 282.1, 282.2 УК. Нейтрализация несуществующих пробелов в законах стала причиной преобладания частных вопросов над общими принципами в правовых нормах.

Аргументируя насущность корректировки элемента правовой нормы, установленной ст. 280 УК РФ, необходимо подчеркнуть, что наибольшие затруднения в ее использовании возникают при определении такого критерия, как призывы. По всей видимости, следует акцентировать внимание на грамматический способ выражения сообщения. В грамматике призывы, чаще всего, формулируются посредством применения глаголов повелительного наклонения, например: беги, стой, держи и пр.

Публичность приведена в диспозициях норм права ст. 280 и 282 УК РФ в качестве признака объективной составляющей содержания рассматриваемых преступных деяний. Считаем, что категорию публичности приобретают все призывы или сведения, провоцирующие и побуждающие ненависть или вражду, появляющиеся в Интернете, поскольку они наделены самым высоким (неограниченным) уровнем доступности для населения, практически для любого лица, владеющего портативным устройством с выходом в мировую сеть, и испытывающего интерес к рассматриваемой тематике. Причем публичной является даже та информация аналогичного содержания, которая размещается на «закрытых» порталах, открывающихся при помощи соответствующего пароля. Ведь подобные материалы публикуются для просмотра пусть ограниченного, но все же внушительного по своему размеру сообществу приверженцев такой же мысли.

Нередки случаи, когда сообщения с призывами совершить действия экстремистской направленности, а также провоцирующие нетерпимость, вражду или ненависть, появляются в электронном почтовом ящике пользователей. Тогда действие попадает в категорию публичного признака состава преступления, если имела место рассылка писем большому количеству пользователей. Если в роли адресата выступает один человек, то данное действие не рассматривается как публичное, а подлежит правовой оценке, исходя из соответствия закону опубликованной информации.

Поскольку диспозиции правовой нормы, установленной ст. 282 УК РФ недостаточно определены, имеется предложение провести в ней необходимые корректировки.

Проанализировав деятельность некоего числа религиозных формирований, можно сделать вывод, что она сопряжена с использованием психологического влияния, направленного на создание у индивидуума или группы индивидуумов новых или трансформацию имеющихся убеждений, целей, лейтмотивов, отношений, мотиваций, ориентаций. Рассматриваемая деятельность инспирирует переформатирование психики человека, попавшего под это воздействие. Причем могут происходить такие психологические изменения, при которых объект психологического воздействия лишается способности к осознанно-волевому поведению. Психологическое воздействие на человека может настолько ограничить избирательность его поведения, что он по факту превращается в средство, одушевленное орудие осуществления преступных деяний. Происходит разрушение всей структуры построения его деятельности.

В этом случае, не обходится без проблем. Де-юре человек считается вменяемым. Его нельзя признать невменяемым только по юридическому (психологическому) критерию. Из этого следует, что человек является субъектом преступного деяния и должен нести уголовную ответственность за содеянное. Де-факто человек невменяем. Ведь он не способен вести себя осознанно и регулировать свое поведение. Поэтому руководствуясь принципами

виновной ответственности (ст. 5 УК РФ) справедливости и персонификации санкционирования (ст. 6 УК РФ), он не должен нести ответственность за учиненные преступления.

Исходя из вышеизложенного анализа, следует поднять вопрос о корректировке правовой доктрины раздвоенности «вменяемость–невменяемость», или об установлении на законодательном уровне определения способности к осознанно–волевому поведению как требуемой предпосылки уголовной ответственности.

В составах преступлений с квалифицирующими обстоятельствами (признаками), предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282.1 УК РФ, субъектом преступного деяния является человек, пользующийся своим служебным положением (специальный субъект преступления). После изучения научных гражданско–правовых трудов, посвященных этому вопросу, законодательства, законной трактовки (Постановления №1 пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» от 17 января 1997 года, Постановления №1 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27 января 1999 года) и доктринальных источников права можно сделать вывод, что специальным субъектом данных преступлений может быть любой человек, занимающий должность государственного служащего, работающий в коммерческих и прочих организациях.

Самым затруднительным практическим моментом является выявление намерений и устремлений лиц, осуществивших преступление, установленное ст. 282 УК РФ. В процессе разрешения этой задачи рекомендуем обратить внимание на эти нюансы:

1) систематичность деятельности. О том, что она существует, может говорить наличие нескольких предупреждений, полученных от Россвязькомнадзора, содержащих информацию о невозможности совершения деятельности, провоцирующей вражду и нетерпимость по религиозному, расовому или национальному признаку. Другой вариант — неоднократные обращения граждан в прокуратуру с заявлениями о действиях данного лица, заключающихся в распространении материалов, содержащих уничижительную для национальности информацию, а также проведение прокуратурой проверок или наличие возбужденных уголовных дел по подтвержденным фактам, предоставленных гражданами в их заявлениях;

2) Опубликованный текст имеет особо сформированную содержательно–смысловую структуру, сгруппированную общей доктриной, намерением автора передать адресатам определенную информацию с целью их правильного дальнейшего ее восприятия. Это не пустая тарабарщина с несвязным набором слов и предложений. Средства выразительности языка, выбранные автором, подчинены решению конкретной задачи, поставленной им при написании публикации. На практике это значит, что если после предварительного расследования выяснится, к примеру, что автор высказывания старался приблизить адресата к осознанию насущной необходимости вытеснения лиц определенной национальности из тех или иных областей общественной деятельности, то станет очевидным наличие у него умысла и намерения подтолкнуть людей на совершение деяний, способствующих разжиганию ненависти и вражды.

Наряду с этим следует подчеркнуть, что сообразное действительности отображение в Уголовном кодексе реальной опасности предустановленных им преступлений является одним из главных условий его результативности. Касательно ст. 282 УК РФ этот принцип не соблюдается. Признание намерения обязательным критерием, устанавливающим сторону субъектом рассматриваемых деяний, представляется ненужной мерой. Ведь распространение сведений, оскорбляющих и унижающих лиц, принадлежащих к той или иной группе, сообразно условиям, прописанным в нормативно–правовом акте, или подстрекающих к ограничению их гражданских прав, депортации, осуществлению других сегрегационных действий по отношению к ним, уже является общественно опасным действием [5, с. 74]. Поэтому считаем, что данный критерий нужно изъять.

К обязательным критериям субъективной стороны содержания преступного деяния, отраженного в ст. 2821 УК РФ, относятся два намерения и мотивация существующей вражды или ненависти к представителям определенных национальностей, вероисповедания, расы, сторонников неких идей, политики, а также мотивация ненависти или вражды относительно некоей общественной группы.

По нашему мнению, наличие некоей «сверхперегруженности» субъективной составляющей содержания организации экстремистской направленности предопределяет возникновение трудноразрешимых сложностей в процессе ее доказывания, не устранимых на уровне судебной трактовки и нуждающихся в содействии законодателей.

По результатам проведенных исследований о первопричинах актуальности проблемы трактовки уголовно–правовых норм, устанавливающих ответственность за преступные деяния экстремистского характера, можно предложить несколько способов ее разрешения:

–собственно, пояснение оценочных признаков, сделанное законодателем в нормативно–правовом акте;

–внесение в Общую часть УК РФ еще одной главы или статьи, включающей формулировку ключевых понятий, среди прочего имеющих отношение к религиозному экстремизму;

–формулирование требуемых понятий в отраслевых нормативно–правовых актах;

–утверждение специального Постановления Пленума Верховного Суда РФ, предназначенного для решения проблем использования противэкстремистского законодательства;

–разработка правовой базы для введения в практическую плоскость уголовного преследования конкретных видов экстремисткой деятельности специальной юридической экспертизы, среди прочего уголовно–правовой экспертизы, имеющей потребность в высоком уровне юридической квалификации;

–формирование организационно–правовой обстановки для действенного привлечения в практическую плоскость трактовки бланкетного состава уголовно–правовых норм людей, хорошо разбирающихся в этой сфере. Если смотреть на интересующую нас сферу, а точнее противодействие экстремисткой активности, то в данный процесс следует привлекать историков, психологов, религиоведов, лингвистов и пр.

Мы считаем, что из всех вышеуказанных рекомендаций по устранению неточностей в толковании рассматриваемого вида норм, наиболее эффективной в контексте правовой надежности и скорости применения является последняя.

Изучив характерные черты структуры ст. 239 УК РФ, считаем возможным выдвинуть на первый план предметные виды экспертиз, необходимые для решения проблем исследуемой категории норм, а именно: психологическую экспертизу уровня давления на обвиняемого в контексте создания условий, существенно снижающих возможность избрания поведения или не происходившего вообще; психологическую экспертизу ориентированности материалов, анализируемых и распространяемых, составляемых членами общественных или религиозных объединений; социально–психологическую экспертизу религиозного объединения.

Применять специальные знания, касающиеся дел и материалов о провоцировании нетерпимости к кому-то, ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства, (ст. 282 УК РФ), нужно, главным образом, для выяснения направленности содержания материалов. В наши дни все еще неразрешимой проблемой в этой сфере является создание методики таких экспертиз, подготовка специалистов и формирование требуемых экспертных центров [6, с. 94].

Особой ценностью будет обладать вовлечение в процесс решения описываемой проблематики экспертов по вопросам публичных призывов к совершению актов экстремистского характера (ст. 280 УК РФ) [7, с. 2440]. Предполагается, что наиболее подходящим для разрешения ситуации будет проведение филологической экспертизы

речевой продукции (эпистолярных материалов, публичных высказываний). Экспертами в данном случае должны выступать филологи, специалисты по грамматике родного языка.

В ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года содержатся оценочные критерии. В первой статье этого закона отображено понятие экстремистской деятельности, которое генерирует разные версии толкования и отсутствие определенности в применении норм права. Например, в п. 2 ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понятие «экстремизм» распространяется еще и на «пропаганду и публичный показ атрибутики или символики, имеющей сходство с нацистской до степени смешения».

Далее в заключении нами были обрисованы в обобщенном и сгруппированном виде ключевые и самые существенные итоги анализа: теоретические положения, обобщения, определения, выводы, советы по улучшению комплекса мер, сконцентрированного на предотвращение криминального религиозного экстремизма.

По нашему мнению, применения лишь уголовных репрессий для предотвращения этого явления недостаточно. Существующая уголовно–правовая концепция, теория прав и свобод человека и гражданина определяет границы борьбы с ним в рамках деяний, закрепленных в уголовном законе. А идеология, состояние ума и психики могут быть в некоторой степени проявлены только в виде мотивации и намерений действий (обоснование ненависти или вражды к представителям иной расы, национальности, вероисповедания). Тем не менее, как раз мотивация и намерения, осознаваемые в общих чертах как система стимулирования человека к деятельности, способны трансформировать любое преступное деяние в экстремистское.

Список литературы:

1. Бидова Б. Б., Басаев В. А. Законодательство зарубежных стран о борьбе с религиозным экстремизмом: конституционно-правовой анализ // *Инновации и инвестиции*. 2014. №4. С. 196.
2. Жигалова Е. А., Харзинова В. М. Религиозный экстремизм как фактор угрозы безопасности современной России // *Вестник КРУ МВД России*. 2013. №1 (19) С. 80-83.
3. Бидова Б. Б., Ганаева Е. Э. Феномен экстремизма и экстремистские преступления (научное издание). Кисловодск: Магистр, 2016. 182 с.
4. Бидова Б. Б. Восприятие религиозного экстремизма в общественном сознании // *Молодой ученый*. 2016. №1. С. 789-791.
5. Плужников Е. Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2010. №1 С. 71-78.
6. Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Криминальный религиозный экстремизм: понятие, сущность и пути преодоления // *Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования*. 2016. Т. 2. №2 (21). С. 93-97.
7. Bidova B. B., Sultanovna A. S., Eminovna G. E., Shakhidovich M. S., Mamutovich D. H. Problems of counteraction to religious extremism in the Russian Federation // *The Social Sciences*. 2016. Т. 11. №10. С. 2439-2445.

References:

1. Bidova, B. B., & Basaev, V. A. (2014). Legislation of foreign countries on the fight against religious extremism: constitutional and legal analysis. *Innovatsii i investitsii*, (4). 196. (in Russian)
2. Zhigalova, E. A., & Kharzinova, V. M. (2013). Religious extremism as a threat to the security of modern Russia. *Vestnik KRU MVD Rossii*, (1). 80-83. (in Russian)
3. Bidova, B. B., & Ganaeva, E. E. (2016). Phenomenon of extremism and extremist crimes (scientific publication). Kislovodsk, Magistr, 182. (in Russian)
4. Bidova, B. B. (2016). Perception of Religious Extremism in the Public Consciousness. *Molodoi uchenyi*, (1). 789-791. (in Russian)

5. Pluzhnikov, E. N. (2010). The concept of religious extremism and its manifestation in modern Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, (1).71-78. (in Russian)

6. Bidova, B. B., & Osusalenko, S. L. (2016). Criminal criminal extremism: concept, essence and ways of overcoming. *Mezhdunarodnoe nauchnoe izdanie Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*, 2, (2), 93-97. (in Russian)

7. Bidova, B. B., Sultanovna, A. C., Eminovna, G. E., Shakhidovich, M. S., & Mamutovich, D. H. (2016). Problems of counteraction to religious extremism in the Russian Federation. *The Social Sciences*, 11, (10), 2439-2445

*Работа поступила
в редакцию 22.01.2018 г.*

*Принята к публикации
26.01.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Бидова Б. Б. Криминальный религиозный экстремизм: проблемы анализа составов преступлений // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №2. С. 386-394. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/bidova> (дата обращения 15.02.2018).

Cite as (APA):

Bidova, B. (2018). Criminal religious extremism: analysis problems of the crimes composition. *Bulletin of Science and Practice*, 4, (2), 386-394